

Карина Шаинян
С КЛЮЧОМ НА ШЕЕ

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2 0 2 1

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

Ш17

В оформлении обложки использованы материалы
по лицензии агентства *Shutterstock, Inc*

Шаинян К.

Ш17 С ключом на шее : [роман] / Карина Шаинян. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 399 с. — (Серия «Мистический триллер»).

ISBN 978-5-517-03524-0

Маленький город у дальнего ледяного моря. Трое детей, которые любят гулять там, где не следует, находят и спасают раненого мальчика. Вскоре они понимают, что их новое знакомство может оказаться опасным. А тем временем в городе убивают детей, и только трое друзей могут знать, кто это делает.

Спустя многие годы им придется снова собраться вместе, чтобы преодолеть воскресшее прошлое.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-03524-0

© Шаинян К., 2021

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения и поэтому в счет не идет.

А. П. Чехов

ЧАСТЬ 1

0

Той ночью ей снова приснился город О., пустой и мертвый под маленьким бледным солнцем. Колючий от соли ветер царапал перекресток рядом с седьмой школой, и нарисованные на торце соседней пятиэтажки гигантские нефтяник и нефтяница, когда-то казавшиеся такими красивыми, истерлись, превратившись в тусклые пятна. Время их съело. Так говорил Голодный Мальчик: «Время съело» — и ухмылялся дыркой на месте позднего молочного зуба.

Она перешла безлюдную улицу, стараясь не наступать на трещины в замеченном песком асфальте, и через пыльные заросли пижмы и полыни начала пробираться к развалинам взрослой больницы. Сухие прошлогодние стебли чиркали по голым рукам. Царапины тут же вспухали красными валиками и страшно зудели; она бессознательно драла их ногтями, слишком сосредоточенная на скрытых травой колдобинах под ногами, чтобы заметить, чем заняты ее руки.

Крыша больницы давно рухнула; из обломков стен торчала ржавая арматура. Она перебралась через бетонные плиты, наваленные у входа, как кости великанского домино, побелевшего от морских ветров, и оказалась внутри. Под ногами заскрипел песок. Из разбитого окошка регистратуры пробивался чахлый куст ольхи; его скрюченные, полуголые ветви тянулись через коридор, как пальцы скелета. Она протиснулась мимо, прикрывая растопыренной ладонью лицо и вжимаясь в ненадежную стену. Ей нужно было дальше, в глубину здания. Обдирая ладони о шершавые обломки, она перелезла через внутреннюю перегородку и наконец оказалась в центре развалин.

От перекрытий остались только горы строительного мусора, и вся срединная часть больницы превратилась в одну

гигантскую палату. Здесь всё заросло бурьяном; запах раздавленной ботинками пижмы почти не отличался от застарелого запаха лекарств, вьевшегося в штукатурку. Ряд кроватей тянулся так далеко, что последние койки терялись в дымке. Люди на них, опутанные мутными трубками, едва угадывались под серыми одеялами. Все эти годы они так и лежали здесь, среди развалин главной больницы города О., абсолютно неподвижные, лишенные воли и чувств, но все-таки живые. Все еще живые.

Она увидела Фильку — он застыл на третьей или четвертой от нее койке. Ему по-прежнему было десять, и его брюхо вздымалось, как дряблый дирижабль. Она хотела окликнуть его, но голос ничего не значил в этом пронизанном холодным светом пространстве. Она шагнула вперед; под ногами захрустел битый кирпич. Лежавший на ближайшей койке взрослый открыл глаза. Мутные белки с тихим шелестом провернулись в глазницах, и она замерла в тщетной надежде, что этот человек не заметит ее.

Затянутые плесенью зрачки уставились прямо на нее. Она хотела позвать на помощь Голодного Мальчика, но ветер забил в горло холодный сухой кляп. Голодный Мальчик не придет. Теперь она вспомнила: она победила его, как победила этого человека с сосредоточенным взглядом убийцы. Сделала так, чтобы время их съело.

Лицо мужчины исказилось. Обрывая трубки капельниц, он поджал колени, загородился ладонями и закричал.

1

Яна Нигдеева шумно влетела на кафедру: короткие рыжие волосы — дыбом, бледное мальчишеское лицо пошло бурыми пятнами, воротник рубашки съехал набок. Хотела что-то сказать — и замерла посреди кабинета с воздетой к потолку ведомостью. Ярость в карих глазах сменилась оторопью.

И без того мрачноватое помещение теперь выглядело почти жутко. Между висящими на стене отвратительно-манерными театральными масками, притащенными из Индонезии завкафедрой Клочковым, кто-то прилепил несколько детских рисунков. Твари, изображенные на них, отдаленно походи-

ли на гномов, — но порожденных не фантазией сказочника, а ночными кошмарами. Сделанные разной рукой и с разной степенью мастерства, все они выглядели гипнотически убедительно.

Боевой запал Яны иссяк, рассеянный парализующими эма-
нациями этих существ. Она с трудом отвернулась, скользнула
взглядом по подоконнику, где поверх курсовых рыхлой грудой
валялась тусклая тряпка — то ли старая сеть, то ли часть оде-
жды, срезанная с мумифицированного трупа, — и хлопнула
ведомость на кучу бумаг. Рухнула на стул, вытянув ноги на сере-
дину кабинета.

— Надо кофе, — пробормотала она, обращаясь к своим бо-
тинкам. — Или пулемет. Кофе и пулемет. И розги.

Завкафедрой, нелепо-огромный для такого маленького каби-
нета, переминался рядом со своим столом, как боксер на ринге,
поглаживая покрасневший шрам на лбу. В противоположном
углу раздраженно листала курсовые Ирина. Обычно безупреч-
ная до незаметности, сейчас она выглядела чуть встрепанной.

— Так плохо? — краем рта улыбнулась она.

— Чистых кружек не осталось, — рассеянно отмахнулся
Клочков. — Лучше скажите... Вы наверняка специалист в таких
делах! Так скажите мне, Яна Александровна, как вызвать гно-
мика?

— Намазать зубной пастой дверную ручку в туалете, — ма-
шинально ответила она.

— Видите! — торжествующе повернулся Клочков к Ирине. —
Куда лезете со своими нитками? Выключить свет, намазать...

— Но вы не можете с этим работать, — перебила Яна.

— Начинается... — Клочков возмущенно покрутил толстой
шеей.

— Вы заранее знаете правильный способ, — упрямо догово-
рила Яна. — Вы — носитель. — Она прищурилась на сероватую
ксерокопию статьи на столе Клочкова. — Ракарский? Вы бы
еще Кастанеду в источниках указали!

— И укажу, если надо будет. Ты маньяк, Нигдеева! Я носи-
тель фольклора, а не чумы!

— Это один черт... Жрать охота, — вздохнула она.

— Тебе вечно жрать охота...

— И кофе.

Не вставая, она дотянулась до кружки, поморщилась, глядя на размазанную по стенкам кофейную гущу. «Да тихо ты!» — громко сказал кто-то в коридоре. Из-за двери донеслись нервные смешки. «Давай, не бойся», — слышался отчетливый шепот. Дверь кафедры со скрипом приоткрылась, и в щель просунулась голова. Яна скользнула взглядом по полужнакомому лицу, гладким каштановым волосам.

— Это вроде твоя, — подсказала Ирина.

Яна уныло кивнула.

— Зачет... — проговорила студентка. — Я опоздала... по уважительной... Можно?

— Очнулись! — фыркнула Яна. — На пересдачу.

Студентка упрямо протиснулась в кабинет, сжимая зачетку обеими руками.

— Но, Вендига Александровна... — решительно заговорила она — и оборвала сама себя, в ужасе прижав пальцы к губам.

«Ой, мама», — трагически выговорил кто-то за дверью. Клочков радостно подобрался.

«Сейчас закопает», — убежденно прогудел юношеский бас.

Студентка всхлипнула и бросилась вон.

— Чего это она? — удивилась Яна.

Клочков, корчась, замотал головой.

— Ну хотя бы ныть не стала, — пожала плечами Яна. — И почему все считают, что, если поныть, я передумаю?

— Ты еще спроси, почему тебя прозвали Вендигой...

Взгляд Яны расфокусировался; несколько секунд она беззвучно шевелила губами, потом пожала плечами.

— Анаграмма?

Клочков прыснул.

— Да! — почти выкрикнула Ирина с непонятным облегчением. — Да, конечно!

— И давно?

— Лет пять уже.

— Остроумцы чертовы...

— Мы думали, ты знаешь, — виновато сказала Ирина.

— Да откуда?!

— Обычно люди такое знают, — встрял Клочков. — А что твой кулончик — из человеческой кости, ты тоже не знала? Откуда он, кстати?

— В детстве подарили, — быстро ответила Яна и поправила воротник. Желтоватый резной цилиндрок скрылся под тканью.

— А если ты в него свистнешь, вся группа завалит сессию, никто не спасется, — добавила Ирина.

Яна оживилась:

— А ведь это фольклор! Надо в следующем году подкинуть в темы для курсовых, неплохая работа может выйти, если с умом... Надо кофе.

— Так помой кружку, — усмехнулась Ирина.

— Или пей из черепа студента, — предложил Клочков и вдруг хлопнул себя по лбу. Сдернул с подоконника жуткую тряпку. — Кстати о черепах, тебе тут просили передать... Это что, кусок савана?

Длинная полоса ткани походила на шкуру дохлого чеширского кота в изображении безумной вязальщицы. Эту штуковину сплели из того, что нашлось под рукой: замусоленных обрывков толстых ниток, веревок, длинных лоскутов ткани. Из всего, что можно найти в квартире, где живет бабушка-рукодельница. В очень старой квартире.

Яна взяла вещь двумя пальцами, будто вовсе не желая ее касаться, и прищурилась. Пушистые на вид серо-зеленые нитки, обрамляющие край, неприятно кололись. К этому ощущению полагались зима, метель, негнущиеся рукава искусственной шубки в крапинку, сползающая на глаза шапка. Намотанный выше носа шарф, покрытый влажной изморозью...

Нитки и веревки переплетались, налезали друг на друга, как щупальца. Но в этом хаосе была система. В нем был смысл, от которого холодело в животе и перехватывало дыхание.

— Это шарф? — Ирина всмотрелась в сложное плетение. — Вагабондский шик?

Яна помолчала, покачивая тряпкой.

— Это записка, — наконец неохотно ответила она.

— Узелковое письмо, что ли? — догадался Клочков. — Можешь прочитать?

— Имитация узелкового письма, — уточнила Яна. — Могу.

Она нервно провела ладонью по волосам. Любопытные взгляды коллег давили на лоб, как колючая жаркая шапка из мохера.

— Кто это принес? — спросила Яна.

— Мужик из библиотеки... нет, из архива... такой, с бородкой. Забыла, как зовут.

Держа шарф-послание наотлет, будто боясь запачкаться, Яна медленно спустилась на первый этаж. Здесь лестница раздваивалась. Несколько ступеней вело на задний двор. Кто-то оставил дверь распахнутой; в тяжелой и грубой железной раме под тусклой табличкой «Запасной выход» вскипали майские тополя. За радостным зеленым светом едва угадывалась лавочка, урна, высокая решетка университетской ограды, стайка гомонящих, как птицы, студентов. На лестницу тянуло табачный дым, золотой и сизый, отвратительный и притягательный, и бесовестно пахла сирень. В жесткой раме черного хода собралось все, о чем когда-то мечталось над детскими книжками с картинками под вой поздних апрельских буранов, все, что скрывалось за волшебным словом «материк» задолго до того, как оно наполнилось сухим географическим смыслом. Яна на мгновение замялась, нащупывая в кармане зажигалку и сигареты, и отвернувшись, зашагала все вниз и вниз по бесконечным ступеням, к подвальному промозглому холоду, тусклым лампам, неясным теням.

Архив не был заперт, но за дверью царил темнота. Лишь за стеллажами желтел свет фонарика; из-за какой-то оптической иллюзии казалось, что он горит в невообразимой дали. «Добрый день!» — крикнула Яна. Голос канул во тьму, как в черный войлок. В нос ударил запах старой бумаги, за которым угадывались нотки подкисшего молока, печного дыма, — округлый, чуть приторный аромат деревенского старушечьего дома, с коровой в хлеву и кружевными салфетками на подушках; а за ним — горькое сено, сладкие духи большеглазой аспирантки, нагретая солнцем волжская заводь, пролитый портвейн, розгос... Здесь хранились полевые дневники.

— Есть кто-нибудь? — снова окликнула Яна. В ответ зашелестело, захлопало, — то ли страницами, то ли крыльями. Далекий свет фонарика дрогнул и начал приближаться. Вечность спустя из темноты выступил невысокий, чуть полноватый человек; пробормотав извинения, он шлепнул ладонью по выключателю настольной лампы. Яна прикрыла глаза ладонью, защищаясь от света.

Библиотекарю было, наверное, лет пятьдесят. Его лицо обрамляла темная растрепанная борода; выпуклые карие глаза за круглыми очками в тонкой оправе казались добрыми и бес-